

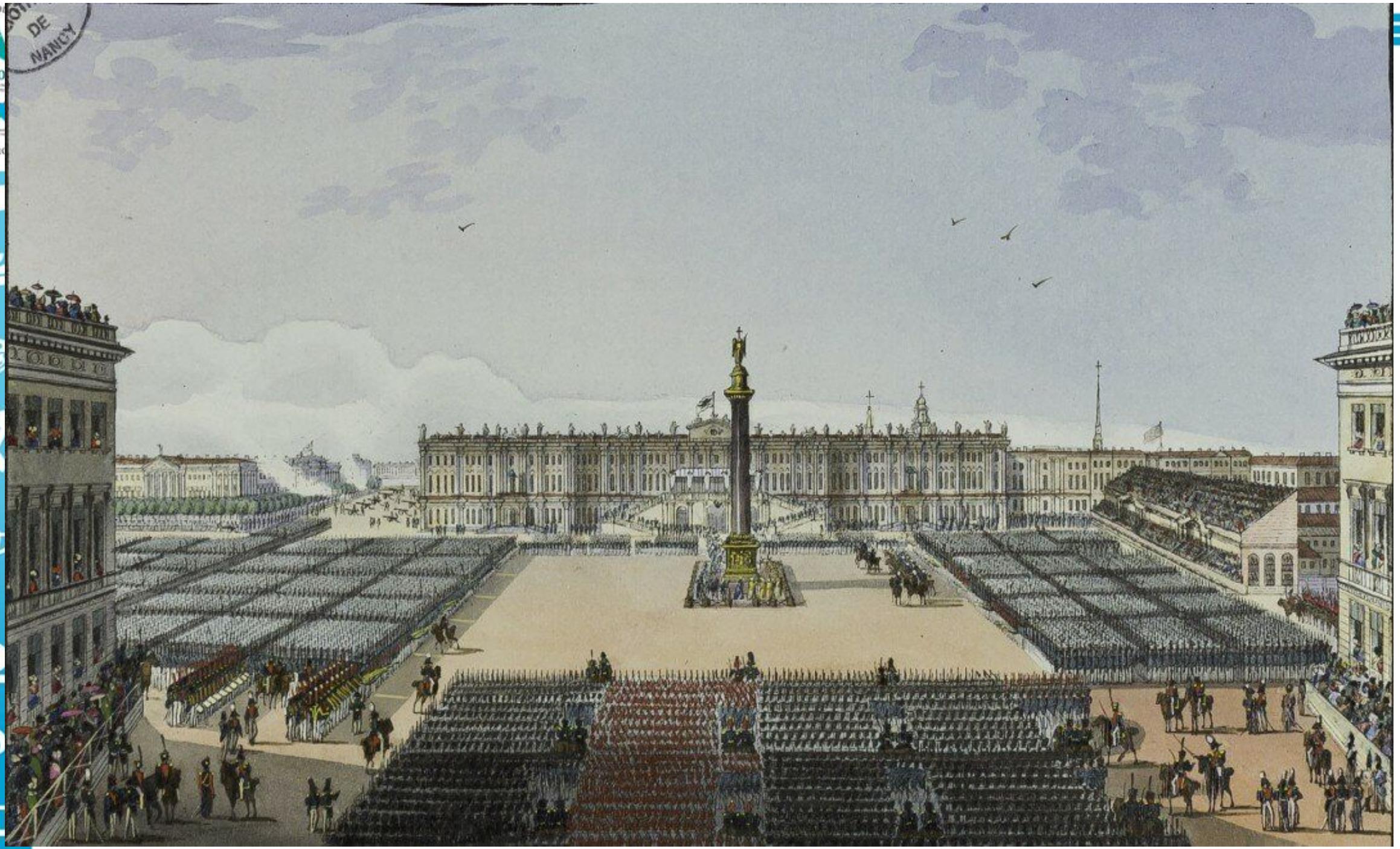

Андрей Белый. Петербург.

Если же вы продолжаете утверждать нелепейшую легенду — существование полуторамиллионного московского населения,— то придется сознаться, что столицей будет Москва, ибо только в столицах бывает полуторамиллионное население; а в городах же губернских никакого полуторамиллионного населения нет, не бывало, не будет. И согласно нелепой легенде окажется, что столица не Петербург.

Если же Петербург не столица, то— нет Петербурга. Это только кажется, что он существует.

Георгий Иванов — Стихи о Петрограде

На небе осеннем фабричные трубы,
Косого дождя надоевшая сетка.
Здесь люди расчетливы, скупы и грубы,
И бледное солнце сияет так редко.

И только Нева в потемневшем граните,
Что плещется глухо, сверкает сурово.
Да старые зданья — последние нити
С прекрасным и стройным сияньем
былого.

Сурово желтеют старинные зданья,
И кони над площадью смотрят сердито,
И плещутся волны, слагая преданья
О славе былого, о том, что забыто.

Да в час, когда запад оранжево-медный
Тускнеет, в туман погружая столицу,
Воспетый поэтами, всадник победный,
Глядит с осуждением в бездушные лица.

О, город гранитный! Ты многое слышал,
И видел ты много и славы, и горя,
Теперь только трубы да мокрые крыши,
Да плещет толпы бесконечное море.

И только поэтам, в былое влюбленным,
Известно Сезама заветное слово.
Им ночью глухою над городом сонным
Сияют туманные звезды былого...

Не время грозное Петра,
Не мощи царственной заветы
Меня пленяют, не пора
Державная Елизаветы.

Но черный, романтический сон,
Тот страшный век, от крови алый.
...Безвинных оглашает стон
Застенок дымные подвалы.

И вижу я Тучков Буян
В лучах иной, бесславной славы,
Где герцог Бирон, кровью пьян,
Творил жестоко суд неправый.

Анна Иоанновна, а ты
В дворце своем не видишь крови,
Ты внемлешь шуму суеты,
Измену ловишь в каждом слове.

И вот, одна другой черней,
Мелькают мрачные картины,
Но там, за рядом злобных дней,
Уж близок век Екатерины.

Година славы! Твой приход
Вспели звонкие литавры.
Наяды в пене Невских вод
Тебе несли морские лавры.

Потемкин гордый и Орлов,
И сердце русских войск — Суворов...
Пред ними бледен холод слов,
Ничтожно пламя разговоров!

Забыты, как мелькнувший сон,
И неудачи, и обиды.
Турецкий флот испепелен,
Под русским стягом — герб Тавриды.

А после — грозные года...
Наполеона — Саламандра
Померкла! Вспыхнула звезда
Победоносца-Александра.

И здесь, над бледною Невой,
Несли восторженные клики.
Толпа, портрет целуя твой,
Торжествовала день великий.

Гранитный город, на тебе
Мерцает отблеск увяданья...
Но столько есть в твоей судьбе
И черной ночи, и сиянья!

Пусть плещет вал сторожевой
Невы холодной мерным гимном,
За то, что стройный облик твой,
Как факел славы в небе дымном!

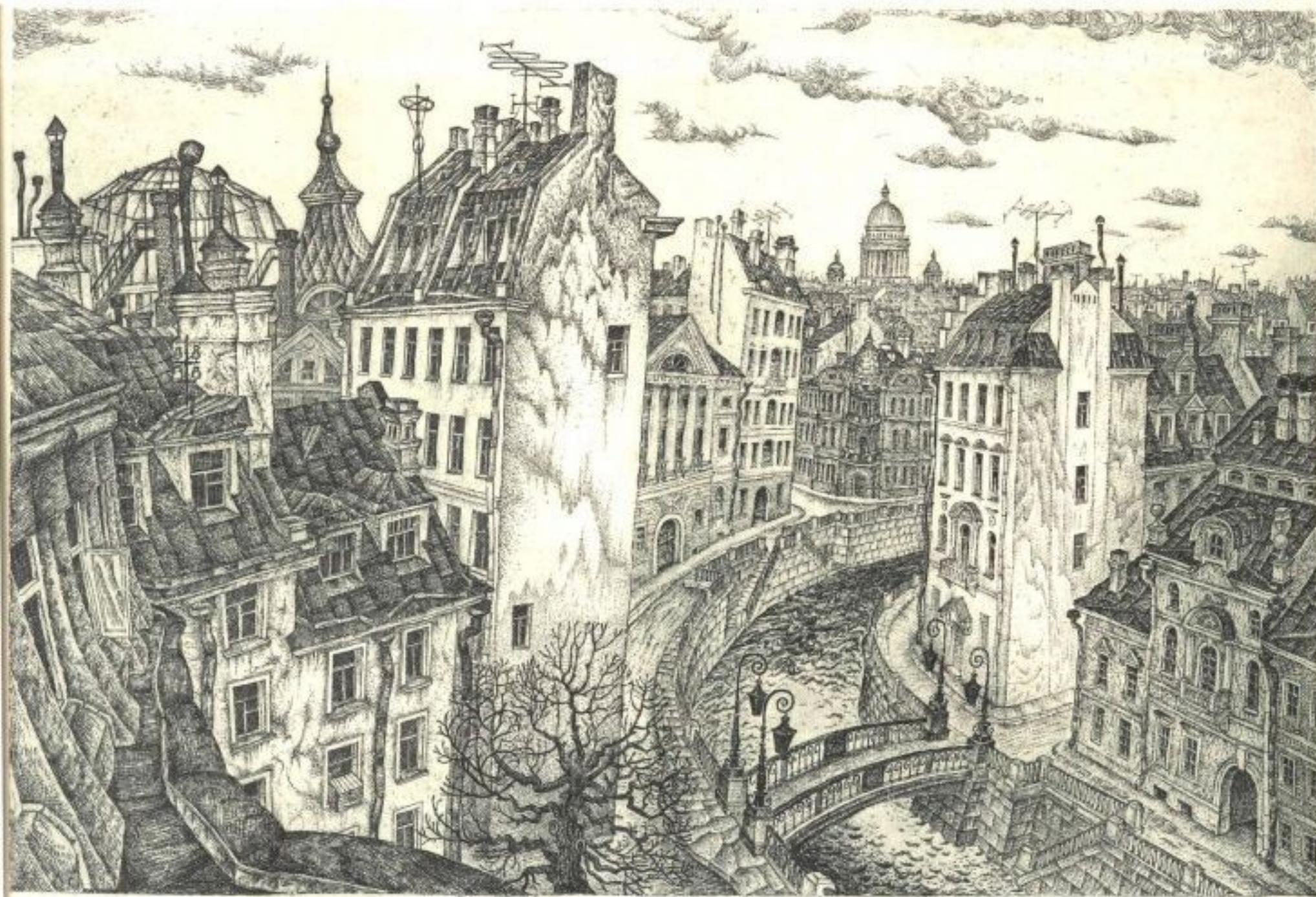

А люди проходят, а люди не видят,
О, город гранитный, твоей красоты.
И плещутся волны в напрасной обиде,
И бледное солнце глядит с высоты.

Но вечером дымным, когда за снастями
Закат поникает багровым крылом,
От камней старинными веет вестями
И ветер с залива поет о былом.

И тени мелькают на дряхлом граните,
Несутся кареты, спешат егеря...
А в воздухе гасит последние нити
Холодное пламя осенней зари.

Иннокентий Анненский — Петербург

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...

Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

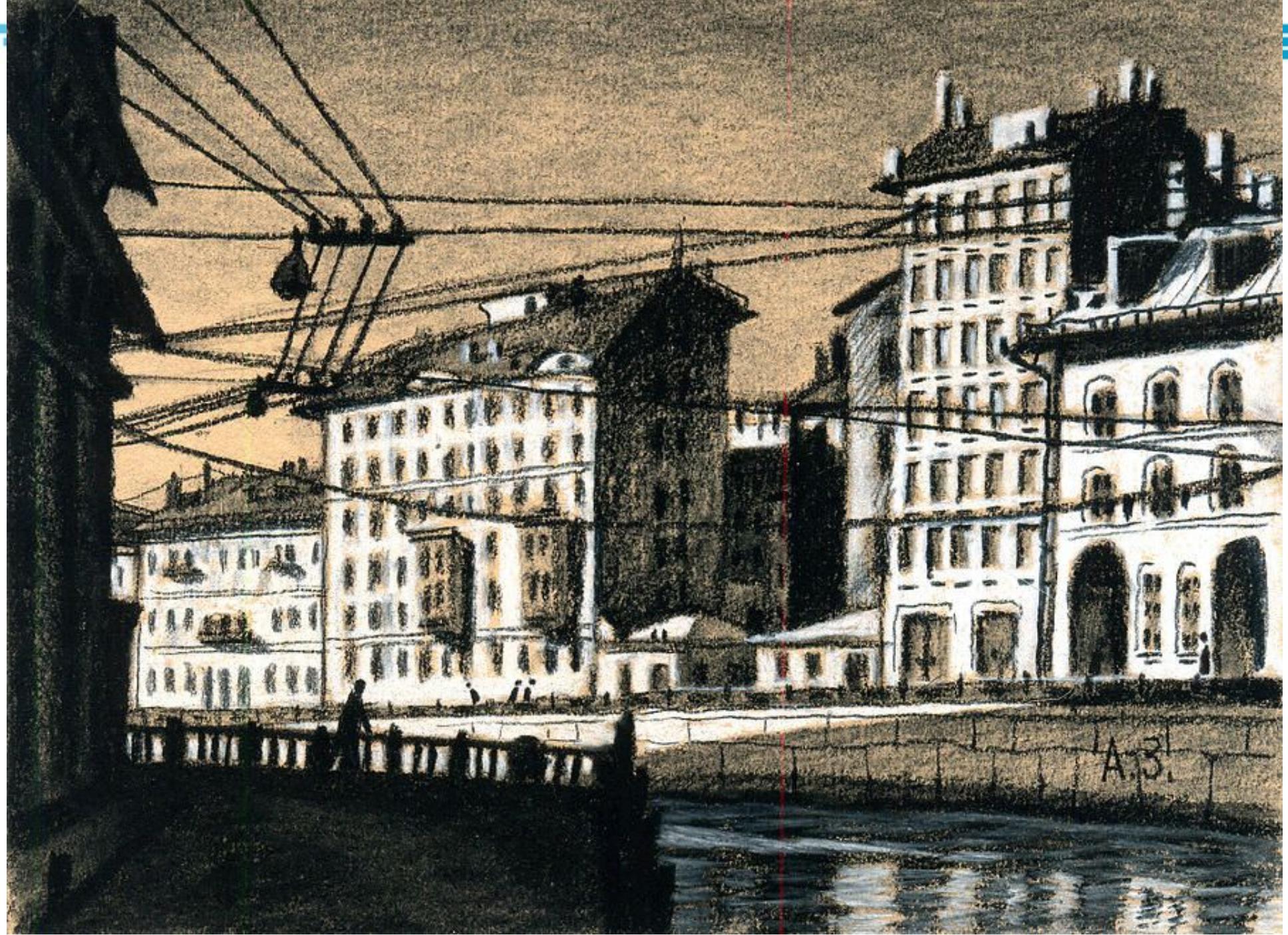
А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,-
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

Александр Блок. Фабрика.

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, чёрный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Александр Блок. Ночь, улица, фонарь, аптека...

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века -
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Осип Мандельштам. Адмиралтейство.

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в тёмной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота - не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырёх стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря;
И вот разорваны трёх измерений узы,
И открываются всемирные моря. '

Валерий Брюсов. Три кумира.

В этом мутном городе туманов,
В этой тусклой, безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле, -

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой,

А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,

Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня.

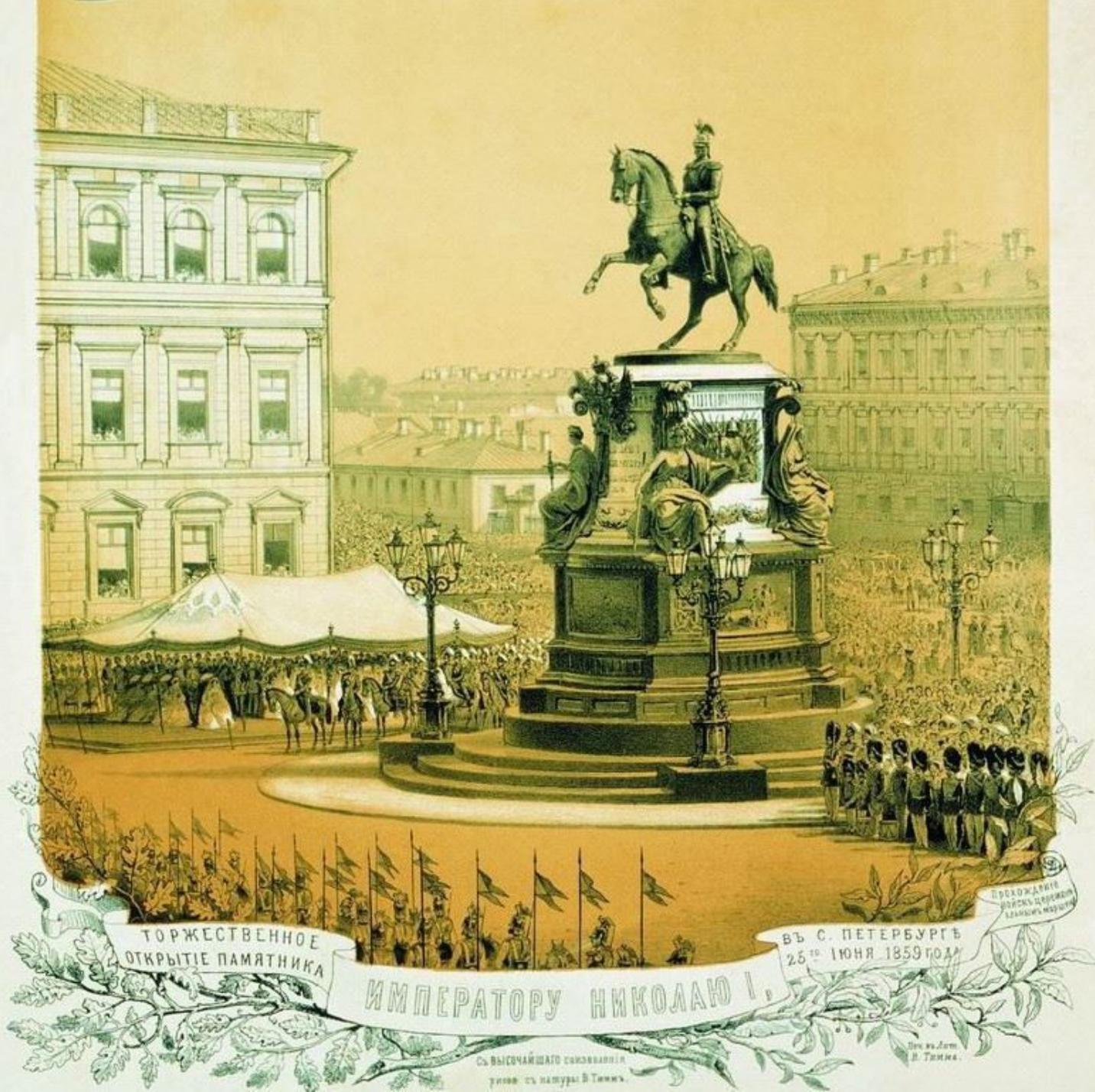

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувши упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Исступленно скачет Всадник Медный,
Непоспешно едет конь другой,
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой,-

Три кумира в городе туманов
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно на земле.

С.-Петербургъ. Памятникъ Александра III.

